

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В военно-учебных заведениях дореволюционной России к началу XX в. успела сформироваться достаточно специфическая субкультура, носителями которой были учащиеся – кадеты и юнкера. В ее основе лежали как формальные, так и неформальные составляющие, под воздействием которых происходило становление будущих офицеров. Не касаясь традиций, культивировавшихся в русле базовой парадигмы (дисциплина, воинский долг, готовность к самопожертвованию во имя высших идеалов – веры, царя и отечества и т. п.), мы обратимся к малоизученной стороне жизни кадетских корпусов и военных училищ, оставившей заметный след в их повседневной культуре. Неписанные правила внутренней жизни военных учебных заведений предполагали три основных круга, на которые они распространялись. Во-первых, это отношение к внешнему, невоенному миру, во-вторых – к другим корпусам и училищам, и, в-третьих, существовали жестко соблюдавшиеся правила поведения внутри своего круга. В военной мемуаристке сохранилось большое количество свидетельств этого феномена. Постараемся их обобщить.

Система начального и среднего военного образования в России в рассматриваемый период была представлена кадетскими корпусами, юнкерскими и военными училищами. Накануне Первой мировой войны в стране насчитывалось 27 кадетских корпусов, 9 военных училищ (офицеров также выпускали специальные классы Пажеского и Финляндского корпусов) и 12 юнкерских училищ [1, с. 312–328].

Разница между военными и юнкерскими училищами заключалась в том, что для поступления в военное училище было необходимо окончить кадетский корпус, гимназию или реальное училище. В юнкерские училища принимались нижние чины из числа вольноопределяющихся I и II разрядов, т. е. имевшие незаконченное среднее образование (в объеме 4–6 классов). Юнкерские училища были неоднородными по социальному со-

ставу учащихся, их образовательному и общекультурному уровню. Даже при преобразовании части юнкерских училищ в военные (такая тенденция наметилась в 1890-е годы) в них сохранялась более демократическая, не зараженная кастовостью обстановка. В отличие от них, военные училища были значительно более цельными с точки зрения социальной и культурной характеристик учащихся. Большую часть их контингента составляли выпускники кадетских корпусов, которые, как правило, происходили из военных семей.

Вплоть до начала Первой мировой войны значительное количество офицеров русской армии являлось потомственными военными. Военные династии часто насчитывали несколько поколений. Чаще всего это явление было вынужденным. Ввиду достаточно скромного жалования подавляющее большинство офицеров не могли позволить для своих детей никакого другого образования кроме военного, так как в кадетских корпусах обучение для них было бесплатным. Отсюда и традиция в выборе военного училища – многие стремились поступить именно туда, где учились отец, дед, братья. Почерпнутые из рассказов старших истории, оценочные суждения, поведенческие стереотипы способствовали созданию и сохранению повседневной культуры и мифологии военного быта. По окончании учебы новоиспеченные прапорщики и корнеты часто выбирали вакансию в «семейном» полку, где их знали сослуживцы отца, где служили их братья, их друзья и знакомые. Таким образом, формировалась особая товарищеская среда, с очень прочными внутренними связями. Юнкерские училища не имели подобного социально-культурного контекста. Ввиду этого именно военные училища были хранителями традиций и неписаных правил.

Во всех кадетских корпусах и военных училищах существовала цельная система неформальных ценностей и вытекающих из них поведенческих практик, передававшихся учащимися из поколения в поколение. Фундамент этой системы составляло представление об исключительности военного сословия. Этим обстоятельством порождалось особое отношение к своему личному статусу, которое проецировалось и на статус коллективный. Как нечто само собой разумеющееся предполагалось превосходство военного человека над человеком не военным – чиновником, купцом, адвокатом или учителем. Мир штатских людей («шпаков») рас-

сма­тривался как несколько уще­рб­ный и в нрав­ствен­ном, и физи­че­ском от­но­ше­нии (по­след­нее, впро­чем, было не ли­шено ос­но­ва­ний и опре­де­ля­лось на­ли­чием зна­чи­тель­но­го объ­ема гим­на­сти­ки, фех­то­ва­ния, вер­ховой ез­ды, тан­цев и строе­вых уп­ра­ж­не­ний в про­грам­ме воен­ных учеб­ных за­ве­де­ний, что фор­ми­ро­ва­ло спе­ци­фиче­скую «воен­ную» осан­ку; в не­воен­ных учеб­ных за­ве­де­ниях до­ре­во­лю­ци­он­ной Рос­сии от­сут­ст­во­ва­ло лю­бое по­доб­ие физи­куль­ту­ры, по­это­му воен­ные со сво­ей вы­прав­кой очень вы­иг­ры­ва­ли на фоне штат­ских). Ка­де­ту или юн­ке­ру «по­ла­га­лся» взгляд свы­со­ка на штат­ско­го че­ло­ве­ка. А. Куп­рин в по­ве­сти «Юн­ке­ра» про­ци­ти­ро­вал фраг­мент зна­ме­ни­той юн­ке­р­ской пе­сни, на­чи­нав­шей­ся со слов:

Терпеть я штатских не могу,
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя,
Их бьет по морде башмаками...

В.С. Тру­бец­кой, автор за­ме­ча­тель­ных по ин­фор­ма­тив­но­сти вос­по­ми­на­ний о Лейб-гвар­дии Ки­расир­ском ее Ве­ли­че­ства пол­ку, быв­ший в 1911 г. его све­же­ис­пе­чен­ным кор­не­том, опи­сы­вал свои ощу­ще­ния: «Пе­редо мной ка­кой-то штат­ский по­жи­лой го­спо­дин, и я чуть през­ри­тель­но ог­ля­ды­ваю его с ви­дом пре­вос­ход­ства гвар­дей­ско­го офи­це­ра. На са­мом де­ле, я чув­ст­вую, что глу­бо­ко прези­раю мяг­кую фет­ро­вую шля­пу сво­е­го со­се­да, его штат­ские ма­не­ры, все его штат­ское ми­ро­воз­зре­ние, хотя он и хранит мол­ча­ние» [2, с. 179]. На­до от­ме­тить, что внеш­не, за пре­де­ла­ми сво­е­го круга по­доб­ное от­но­ше­ние не дол­жно было ни­как про­яв­лять­ся. Наз­вать штат­ско­го че­ло­ве­ка «шпа­ком», «шта­фир­кой», «шля­пой» до­пу­ска­лось толь­ко в уз­ком то­ва­ри­ще­ском кругу.

Кроме от­тор­же­ния широ­ко­го внеш­не­го круга всего не­воен­но­го, су­ще­ст­во­вал ряд внут­рен­них кор­по­ра­тив­ных ус­лов­но­стей и огра­ни­че­ний. Об­язатель­ным считался взгляд на «свой» род войск как на са­мый важ­ный. Этим, в свою оче­редь, пре­до­пре­де­ля­лось под­чер­кну­то снис­хо­ди­тель­ное от­но­ше­ние к дру­гим. Тра­ди­ци­он­ной была рознь между раз­лич­ны­ми ро­да­ми войск – «уче­ные» ар­тил­ле­ри­сты и ин­же­не­ры свы­со­ка смот­ре­ли на «лег­ко­мы­слен­ную» ка­валер­ию. Блестящие ка­валер­исты третиро­ва­ли се­рую пе­хо­ту. Гвар­дия ви­де­ла в ар­мей­ских частях нечто вто­ро­сор­тное, а ар­мей­цы за­ви­до­ва­ли и зли­лись на гвар­дей­цев. И все дру­жно тер­петь не

могли так называемых «моментов» – офицеров Генерального штаба. Соответственно, юнкера училищ, выпускавших офицеров в разные рода войск, важничали друг перед другом.

Ощущение корпоративной исключительности и превосходства над остальными формировалось сразу. Принцип всегда был один и тот же – мы лучшие. До наших дней сохранились фрагменты кадетского и юнкерского фольклора, т.н. «журавлей» – исполненных грубоватого юмора неофициальных строевых песен-речевок, в которых всячески возвеличивались достоинства родной школы и высмеивались другие. Классическим примером может служить передававшаяся из поколения в поколение рознь учащихся Первого и Второго кадетских корпусов Санкт-Петербурга. Первый корпус славился хорошо поставленным общим образованием, его выпускники чаще других поступали в «сложные», т. е. специальные военные училища – артиллерийские и инженерное. Во втором корпусе к «наукам» отношение было подчеркнуто снисходительное, зато много сил и времени отдавалось строевой подготовке, уставам и т. п. Отсюда была прямая дорога в Павловское пехотное училище, муштра в котором носила легендарный характер. В кадетских «журавлях» эта разница отражалась соответствующим образом:

Кто по строю самый штатский?
Это – Первый Петроградский!
и, соответственно,
Держит дисциплину ада
Второй корпус Петрограда!

К сожалению, большая часть «журавлей» невозможна для цитирования ввиду избытка не нормативной лексики.

Широко известна иррациональная вражда юнкеров двух артиллерийских училищ страны – Михайловского и Константиновского, доходившая до того, что «михайлоны» и «констапуны», попав служить в один полк, долгое время сторонились друг друга [3, с. 15]. («Кто невежлив, пьян и туп? Это – юнкер-констапуп!» (Ответный «журавль» о «михайлонах» привести невозможно по причине, указанной выше). Такой же традиционной была взаимная неприязнь будущих кавалеристов «славной школы» (Николаевского кавалерийского училища) и пажей из Пажеского корпуса

[4, с. 242; 5, с. 57]. В Москве из поколения в поколение передавалась плохо скрываемая нелюбовь между юнкерами Александровского и Алексеевского училищ [6, с. 17–23].

Необходимо понимать, что демонстрируемая взаимная неприязнь учащихся разных корпусов и училищ никогда не принимала недостойных форм. Подчеркнутая ирония по отношению друг к другу, критика недостатков (чаще всего вымышленных) и, в целом, взгляд свысока друг на друга ни в коем случае не могли перейти черту, за которой начиналось прямое оскорбление чести мундира. Тем более не могло быть в принципе никаких драк, ссор и личных оскорблений. Это являлось правилами своеобразной игры, которой по традиции следовало придерживаться в своем кругу.

Главное, что требовалось от кадета или юнкера, заключалось в верности долгу товарищества. Товарищество противопоставлялось корпусному или училищному начальству и преподавателям. В кадетском и юнкерском кругу жестко осуждалась любая форма заискивания перед руководством, абсолютно недопустимым было наущничество. Общее решение каждый должен был выполнять, не считаясь с личными интересами. Например, мог быть объявлен бойкот тому или иному преподавателю. В этом случае никто не должен был отвечать ни на один его вопрос во время занятий. В такой ситуации даже отличники рисковали получить неудовлетворительные отметки, но уклониться от участия в бойкоте никто не мог.

Каждое военное училище обладало своими неповторимыми особенностями внутреннего уклада. Они проявлялись, прежде всего, в подходе юнкеров к учебному процессу. Так, например, будущие артиллеристы, среди которых хорошее образование было престижным, полагали непременной обязанностью манкировать строевой подготовкой. По воспоминаниям В.Ларионова в Константиновском училище «считалось недостойным артиллерийскому юнкеру маршировать в пешем строю. Кадеты, почти поголовно отличные строевики, еле волочили ноги, спотыкались, поворачивали налево, когда командовали направо, из рук вон плохо отвечали на приветствие. Того требовала Училищная традиция» [3, с. 15]. Как полная противоположность этому, в Павловском пехотном училище строевая подготовка граничила с искусством. Бывший павловец А.Спиридович вспоминал:

«Мы старались довести строй, ружейные приемы и гимнастику до щегольства. Многие перед сном проделывали ружейные приемы и гимнастические упражнения перед громадными зеркалами и это считалось нормальным» [7, с. 31]. А среди будущих кавалеристов Николаевского училища «интересоваться науками считалось своего рода дурным тоном... Туда шли, чтобы стать лихими кавалеристами-рубачами» [2, с. 81–82].

Говоря о традициях дореволюционной военной школы, нельзя обойти стороной и такое непростое явление как «цук» или «подтяжка». Так назывались неуставные отношения между юнкерами младшего и старшего курсов (напомним, что нормативный срок обучения в военном училище составлял два года). Старший курс на протяжении целого года имел почти неограниченную власть над младшим. В большей или меньшей степени цук был развит во всех военных училищах страны. Менее всего им были затронуты артиллерийские и инженерное училища, хотя и там существовала соответствующая традиция по отношению к первокурсникам, пришедшим не из кадетских корпусов, а из гимназий и реальных училищ («козерогам» или «рябцам»). Местом же, где цук был возведен в настоящий культ, было элитное Николаевское кавалерийское училище (по преданию именно там этот обычай и возник; в пользу его кавалерийского происхождения говорит и сам термин, «цук» – это резкий рывок поводьями). Существует большое количество мемуарных свидетельств, в которых самым подробным образом представлены принципы взаимоотношений первокурсников–николаевцев («зверей») и второкурсников («благородных корнетов») [8]. Каждый из поступивших в это училище новичков должен был сразу определиться, как он будет жить – по уставу или «по традиции славной школы». Если юноша выбирал первое, то его никогда более не задевали, но он сразу и навсегда отделялся от юнкерского товарищества и становился чужим («красным»), что в дальнейшем наглухо закрывало возможность службы в престижных полках. «Красного» бойкотировали и глубоко презирали, поддерживая с ним лишь чисто служебные отношения; вне службы с ним никто не имел права разговаривать. Для тех же, кто выбирал жизнь «по традиции» начинались серьезные испытания характера. Старшие брали младших «в работу». Первокурсники узнавали, что им строго запрещено занимать определенные столы в столовой, подниматься по левому крылу парадной лестницы и множество других быто-

вых ограничений. Их заставляли подолгу проделывать тяжелые физические упражнения (приседания, прыжки через стул и тому подобное). Необходимо было писать сочинения заданного объема на самые невероятные темы («О влиянии лунного света на овечий хвост» и т. п.). Кроме того, существовала еще так называемая «дислокация», бывшая главным мучением новичков. Они были обязаны знать назубок характерные особенности всех (почти двухсот!) полков русской кавалерии, точно знать в какой из них собирается выйти корнетом каждый из старшекурсников. Дополнительно, по традиции, необходимо было заучивать всякую бессмыслицу. Для полного представления о колорите позволим себе привести обширный отрывок из воспоминаний Евгения Вадимова:

«Молодой такой-то! – подзывает вас к себе какой-нибудь корнет.

– Что такое прогресс?

Если вы не знаете, что следует ответить на это по традиции славной школы, то будете, конечно, говорить очень много и долго. В особенности попадались на этом молодые люди из бывших «ученых» – т. е. из студентов, лицеистов и правоведов, переходивших на путь кавалерийских юнкеров.

– Прогресс – это движение человечества вперед... Это всеобщее благо приносимое цивилизацией...

– Ничего подобного. Кру-гом! Пойдите, молодой, узнайте, что такое прогресс и явитесь мне доложить!

Озадаченный «молодой» направляется на поиски необходимых знаний, которые ему удавалось приобрести не так легко. Нужно было не только узнать, но и вызубрить наизусть целое определение, заключавшееся в следующих словах:

– Прогресс есть константная эксгибиция секулярных новаторов тенденции коминерации индивидуумов социал...

– Молодой! Что такое жизнь сугубаго вандала?

На это следовало отвечать так:

– Жизнь вандала есть громадный стеклянный шар, на тонком волосе висящий и разбивающийся при малейшем дуновении благородного корнета!

– А что такое механика, молодой?

Не думайте, что на это следовало отвечать, что механика есть наука. Следовало отвечать:

– Механика есть ничто иное, как абстракт феноменальной глупости» [8, с. 24].

При этом абсолютно недопустимыми считались проявления грубости, неуважения к новичкам. По воспоминаниям А.Л. Маркова «грубость на словах, уже не говоря о поступках, была вещью недопустимой и преследовалась по традиции совершенно беспощадно. Случай, чтобы юнкер старшего курса позволил себе дотронуться пальцем до юнкера младшего курса с целью его оскорбить, был совершенно немыслим в стенах Школы, а вежливость в отношении друг к другу и, в особенности, старших к младшим – обязательна» [4, с. 242].

Первокурсникам не полагалось демонстрировать излишний аппетит в столовой. «Молодого, обнаружившего неприличный аппетит за казенным столом, гг. корнеты, чтобы научить приличию, после обеда вели в лавочку и там закатывали ему «скрипку»; она заключалась в том, что его кормили разными вкусными вещами, но в таком порядке, что он рано или поздно кончал «поездкой в Ригу», ему любезно предлагали после арбуза кильки, затем кефир, виноград, ростбиф и т.д.» [4, с. 247].

Чуть менее жестко цук практиковался в специальных классах Пажецкого корпуса, где от «молодых» требовалось, прежде всего, безукоризненное исполнение всех требований устава.

Военное руководство страны было прекрасно осведомлено об этом явлении. В 1902 г. была создана специальная комиссия под председательством генерала С.А. Будаевского, одной из задач которой была выработка мер по урегулированию отношений между юнкерами младшего и старшего курсов [1, с. 325]. Деятельность этой комиссии не увенчалась успехом во многом из-за нежелания большинства офицеров и генералов ломать традицию «славной школы», выпускниками которой многие из них являлись. Даже среди высшего генералитета цук имел своих покровителей. Сочувственно относился к цуку главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа Великий князь Владимир Александрович [1, с. 326]. В 1911 г. по поводу цука даже был сделан запрос Государственной Думы военному министру, причем начальник Главного управления военно-учебных заведений должен был оправдываться, что «слухи сильно преувеличены, а начальство с этим борется» [9, с. 227].

Мы не нашли ни одного мемуариста, осуждавшего обычай цука. Вспоминают о нем, как правило, с юмором, указывают на его благотворное воздействие в плане развития дисциплины, исполнительности и чиновничества. С точки зрения юнкеров, цук не ломал товарищеских отношений, а был лишь дополнительным испытанием для новичков. Характерно, что наиболее жесткое давление на первокурсников осуществлялось лишь в первые несколько месяцев их пребывания в стенах училищ. Считалось, что с помощью цука отсеивают слабых духом юношей. Уже отмечалось, что явления, подобные цуку, культивировались во всех европейских военных школах, включая знаменитые Сен-Сир и Сэндхерст, а в Германии было распространено и в университетах [10, с. 100–103].

А вот вариант неуставных отношений, бытовавший в кадетских корпусах, так называемое «закальство», наоборот, в большинстве случаев упоминается с отрицательной оценкой. Закальство представляло собой показное молодечество, ухарство, выразившееся в рискованных для жизни и здоровья проделках, нарочитой грубости, а также, в ряде случаев, жестоким угнетением (вплоть до избиений) старшими кадетами-«закалами» малышей. «Закалы» демонстративно плохо учились, постоянно нарушали дисциплину, поддерживали общую конфронтацию с начальством. С закальством корпусное начальство боролось по-настоящему, отчисляя провинившихся «закалов». К началу XX века обычай закальства сохранялся, главным образом, в провинциальных кадетских корпусах [11].

Еще одной неременной формой внутренней жизни военных училищ были театрализованные церемонии, связанные с важнейшими этапами юнкерской жизни, – принятие присяги первокурсниками сопровождалось «похоронами шпака»; в честь окончания учебного года в каждом училище совершалось особое «действие», центральным элементом которого был «приказ по курилке» – старшие юнкера перед производством в офицеры передавали младшим власть и завет соблюдать училищные традиции. Эта церемония сопровождалась исполнением «Звериады», кадетской и юнкерской песни, первые строфы которой, по преданию, сочинил еще М.Ю. Лермонтов. В каждом кадетском корпусе и в каждом училище был свой вариант «Звериады», учитывавший местные особенности и события реальной жизни. В «Звериаде» часто содержалась злая сатира на преподавателей и начальство, поэтому от последних ее тщательно скрывали (хотя

те были прекрасно осведомлены о ее существовании). Мелодия и общая структура ее текста везде были приблизительно одинаковы, при этом каждое поколение выпускников добавляло дополнительные строфы. Тексты «Звериады» часто были весьма остроумными, несмотря на грубый юмор и большое количество непристойностей. Чаще всего «Звериада» оформлялась в виде самодельного альбома, который хранился у старшего курса и торжественно передавался следующему поколению «приказом по курилке».

Отдельного внимания заслуживает обычай ночных церемоний, в которых угадываются элементы обряда инициации. «Похороны шпака» означали переход новичков в новое качество. Обряд происходил либо в ночь после принятия присяги, либо после возвращения из летних лагерей. В артиллерийских училищах устраивали «похороны козерога» после первых боевых стрельб (считалось, что после них «у козерогов отпадает хвост»). Во всех случаях устраивалось ночное костюмированное представление: «священник», «хор», «покойник» и т. п. В Николаевском кавалерийском училище бывали настоящие маскарады с рыцарями, мушкетерами, разбойниками – там учились состоятельны молодые люди, имевшие возможность заказать полноценный маскарадный костюм. В Константиновском артиллерийском училище «ночной парад» выглядел следующим образом: «В полночь надо было подняться с кровати, снять рубашку и на голое тело надеть пояс и шашку, на ноги – шпоры и на голову – фуражку. В таком виде отделения батареи идут в коридоры, где производится «парад», который заканчивается воинственными криками и бегом сотни голых со шпорами и шашками по коридорам. Дежурный офицер, знающий училищные традиции, не выходит в эту ночь из комнаты и делает вид, что ничего не слышит» [3, с. 14]. В «ночных парадах» часто использовались элементы офицерской формы (что официально строжайше запрещалось); это должно было подчеркнуть переходный характер положения юнкеров старшего курса.

Кроме того, существовало множество мелочей. Николаевскому юнкеру возбранялось идти в увольнение (тогда говорили «в отпуск») в казенном обмундировании, идти нужно было только в собственном, сшитом на заказ у хорошего портного. Юнкера-артиллеристы выходили в увольнение, нацепив шпоры, что в их случае было нарушением формы одежды и при встрече с плац-адъютантами грозило дисциплинарным наказанием.

По обычаю, первокурснику, первому попавшемуся на этом прегрешении и отправленному под арест, остальные в складчину покупали и дарили дорогие савельевские шпоры. В кавалерийских училищах, первокурснику, первому упавшему в манеже с лошади, дарили в складчину золотой брелок в виде репы (на юнкерском жаргоне падение с коня называлось «сеять репу»). Существовали бытовые табу. Юнкер не должен был ездить в трамвае или на конке, нельзя было нанимать извозчика-лихача (считалось дурным тоном) – только на «ваньке» или собственный выезд. Традиция запрещала юнкерам появляться на Невском проспекте, когда вечером зажигались фонари – нужно было немедленно сворачивать в любые прилегающие улицы. Последнее, впрочем, имеет рациональное объяснение: известно, какая публика заполняла Невский проспект по вечерам. Таким образом, данный запрет мог спасти от различных неприятностей.

Кадетские и юнкерские традиции просуществовали вплоть до Первой мировой войны. Ввиду развертывания массовой мобилизационной армии возникла острая нехватка офицеров. Военные училища сразу были переведены на ускоренный выпуск – вместо двух лет подготовки остались лишь четыре месяца. В 1915 г. был резко опущен образовательный ценз для поступающих в них абитуриентов – образовательный минимум сократили сначала до шести, а позже и до четырех классов любого среднего учебного заведения. В условиях образовательного конвейера в военных училищах, где вчерашние кадеты были уже в меньшинстве, культивирование старых обычаев было уже маловероятно. В кадетских корпусах, в отличие от военных училищ, срок обучения в военное время оставался прежним. И в течение всех военных лет, вплоть до 1917 года, кадетские корпуса каждую весну исправно поставляли в училища поколения своих выпускников. В значительном большинстве это были сыновья и внуки кадровых офицеров. Среди них подчеркнута сохранялись корпусные и училищные традиции старой школы. Но кадетская прослойка была теперь незначительной и большого влияния на общий уровень юнкеров оказать не могла, поэтому старые неформальные традиции в годы войны быстро сошли на нет.

Да и сами носители этих традиций довольно быстро покидали этот мир – по подсчетам исследователей, к 1917 году в русской армии осталось лишь 4% офицеров, надевших погоны до начала войны [1, с. 236].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Зайончковский П.А.** Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973.
2. **Трубецкой В.С.** Записки кирасира. М., 1991.
3. **Ларионов В.** Последние юнкера, М., 1997.
4. **Марков А.Л.** Кадеты и юнкера // Голос эпохи. 2014. № 4.
5. **Игнатъев А.А.** Пятьдесят лет в строю. Петрозаводск, 1963, Т. 1.
6. **Благовещенский В.** Воспоминания юнкера-александровца за 1892–1894 г. // Александровец. 1907. № 7.
7. **Спиридович А.** Записки жандарма. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. М., 1991.
8. **Вадимов Е.** Корнеты и звери (славная школа). Белград, 1929.
9. **Деникин А.И.** Старая армия. Офицеры. М., 2005. Т. 2.
10. **Netuschilow К.Е.** «Der Zuck» in russischen Militaerschultraditionen / Lexikon der russischen Kultur. Darmstadt, 2002.
11. **Гребенкин А.Н.** Негативные традиции воспитанников военных учебных заведений Российской империи в 1-й половине XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Том 10. № 7. С. 130-135.